

На правах рукописи

КАЛИНИНА Елена Юрьевна

НЕФИНИТНЫЕ СКАЗУЕМЫЕ В НЕЗАВИСИМОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ

Опыт типологического исследования

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание, теория перевода.

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук.

Москва 1998

Работа выполнена на кафедре теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор **А.Е.Кибрик.**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
В.И.Подлеская.
кандидат филологических наук
А.Н.Латышева.

Ведущая организация: Институт Востоковедения
Российской Академии Наук.

Защита состоится «_____» _____ 1998 г. в _____
часов на заседании диссертационного совета Д 053.05.16
при Московском государственном университете
им. М.В. Ломоносова

Адрес: 119899, Москва, Воробьевы горы, МГУ, 1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Автореферат разослан «_____» _____ 1998 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

О.В.Дедова

Настоящая работа посвящена типологическому исследованию функционирования глагольных форм, традиционно относимых к нефинитным (причастий и деепричастий), в позиции сказуемого независимого предложения.

Актуальность исследования. Актуальность данного исследования определяется следующими моментами. Во-первых, в развитии типологии наступил такой этап, когда традиционный описательный аппарат, сложившийся на материале языков индоевропейского стандарта, будучи применен к более широким языковым выборкам, оказывается далеко не универсальным: некоторые описательные категории (сочинение и подчинение, рефлексив, подлежащее) либо вообще не могут быть применены к языкам других систем, либо могут быть применены с оговорками. Если до этого языки ИЕ стандарта были некоторым описательным эталоном, то теперь становится ясно, что языки ИЕ стандарта представляют собой одну из многих равноправных и равновозможных реализаций некоторых более общих принципов языкового устройства. Поэтому актуальным представляется выработка нового описательного аппарата. В частности, признание неуниверсальности разграничения финитных и нефинитных форм в типологии повлекло за собой появление новых подходов к финитности, которые, тем не менее, также не всегда оказываются эмпирически адекватными. В данной работе делается попытка обнаружить существенные моменты для типологически релевантного понятия финитности. Во-вторых, в данной работе привлекается материал большого количества языков бывшего Союза, существующие грамматики которых, к сожалению, «подгоняют» данные под образец русской грамматики, следствием чего является неадекватность описания. В настоящей работе предлагается интерпретация материала этих языков с типологической точки зрения, без попытки навязать чуждую описательную модель.

Цель работы состоит в изучении взаимосвязей грамматических характеристик в языках, допускающих функционирование причастий и деепричастий в позиции сказуемого независимого предложения. Понимание того, какие грамматические механизмы стоят за их появлением в предикативной позиции, дает возможность внести коррективы в существующие представления о финитности, понимаемой как то свойство независимого предложения функционировать в качестве такового. Указанная цель обусловила постановку и решение следующих задач исследования:

- продемонстрировать на материале достаточно обширной выборки, что употребление причастий и деепричастий в позиции сказуемого независимого предложения широко представлено в генетически различных языках и не является случайным совпадением;
- показать, что употребление причастий и деепричастий в позиции сказуемого является частным случаем отсутствия у формы маркированных и немаркированных функций (именно наличие и маркированных и немаркированных функций дает основания отнести форму к финитным и нефинитным);
- показать, что отсутствие разграничения финитных и нефинитных форм не является изолированным феноменом и выявить грамматические параметры, имплицитивно связанные с возможностью употребления этих форм в позиции сказуемого и, шире, с отсутствием у форм маркированной функции;

□ изучить роль связок в рассматриваемых языках и показать, что их роль отличается от роли связок как выразителей предикативных категорий («маркеров финитности») в индоевропейских языках;

□ выделить моменты, релевантные для типологически адекватного понятия финитности.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые исследуется сама возможность употребления причастий и деепричастий в позиции сказуемого независимого предложения. Кроме того, впервые такого рода исследование проводится не в отдельно взятом языке, а на большом типологическом материале.

Теоретическая значимость работы заключается в попытке внести коррективы в существующие подходы к теории финитности как свойства независимого предложения. Кроме того, в работе выдвигаются три теоретические типологические универсалии, описывающие имплицативную зависимость грамматических параметров в исследуемых языках. Результаты исследований представляют интерес для синтаксической типологии, типологии частей речи и грамматических категорий.

Практическая значимость исследования. Результаты исследования могут быть использованы в практике описания языков различных типов, а также при подготовке лингвистических учебных курсов (например, типологии полипредикативных конструкций и типологии частей речи).

Материалом исследования послужила выборка из 40 языков, принадлежащих различным языковым семьям:

Алтайская семья.

Тюркские языки

Якутский
Башкирский
Хакасский

Монгольские языки

Бурятский
Монгольский

Тунгусо-маньчжурские языки

Нанайский
Эвенкийский

Самодийские языки

Ненецкий
Нганасанский

Палеоазиатские языки

Алеуто-эскимосская группа

Эскимосский

Вне группы

Юкагирский

Абхазо-адыгская семья

Абхазские языки

Абхазский

Адыгские языки

Кабардинский

Нахско-дагестанская семья.
Аваро-андо-цезская группа.

Аварский
Багвалинский

Лезгинская группа.

Лезгинский
Цахурский

Вне группы

Даргинский
Лакский

Семитские языки

Иврит

Индоевропейская семья.
Балтийская группа.

Литовский

Индоарийская группа.

Бенгальский
Сингальский

Иранская группа.

(восточно-иранские языки)

Ваханский
Рушанский

Дравидийские языки

Каннада
Малаялам
Тамильский
Телугу

Языки Африки.
Семья банту

Суахили
Руанда
Нкоре-Кига
Бабунго

Нигеро-конголезская семья
Группа ква

Йоруба

Группа адамауа восточные языки

Мбум

Языки Австралии

Дийари

Семья Иваиджи
Подгруппа араргби

Маунг

Языки Папуа Новой Гвинеи

Хуа
Кобон

Языки индейцев Америки
Семья хока
группа юма

Дигеньо

Составленная таким образом, выборка достаточно **репрезентативна**, так как представляет различные языковые семьи, что существенно для типологического исследования.

Сбор данных осуществлялся в основном с помощью существующих грамматик и работ по отдельным аспектам грамматики языков, вошедших в выборку. Для ряда языков (аварский, лезгинский, бурятский, башкирский) было использовано некоторое количество примеров из художественной литературы. В диссертацию вошло около 700 примеров. **Надежность** используемого в диссертации языкового материала определяется достаточной надежностью источников (грамматик и литературы). Кроме того, материал ряда языков (цахурский, багвалинский) был собран полевым методом – в процессе работы автора в составе Дагестанской Летней лингвистической экспедиции под руководством профессора А.Е. Кибрика (цахурский язык – с. Мишлеш Рутульского р-на республики Дагестан, 1995-96гг.; багвалинский язык – с. Кванада Цумадинского р-на республики Дагестан, 1994, 1997-98 гг.).

Методы исследования. Основными методами типологического исследования являются дедуктивный и индуктивный. Дедуктивный метод разбивает все множество исследуемых языков на дизъюнктивные классы в зависимости от значения исследуемого параметра. В настоящей диссертации используется в первую очередь индуктивный типологический метод, когда выдвигаемые гипотезы проверяются и уточняются на материале типологической выборки. Индуктивная методика используется обычно в теории языковых универсалий. Подход к теории универсалий, связанный с именем Дж. Гринберга, использует материал большого количества языков, формулирует универсалии в терминах поверхностной структуры, а в качестве их объяснения предлагает прагматические и когнитивные принципы. Универсалия представляет собой импликацию вида ‘если p , то q ’ (или $p \rightarrow q$) (см. [Гринберг и др. 1970, Comrie 1981])¹, где p и q – утверждения о существовании в языке X явления Y (‘в языке X есть явление Y ’). Поскольку универсалии представляют собой импликации, они истинны в трех случаях ((1)-(3)) и ложны в одном (4):

- (1) $p \rightarrow q$
- (2) не $p \rightarrow q$

¹ Гринберг. Дж., Осгуд Ч., Дженкинс Дж. Меморандум о языковых универсалиях. // Новое в зарубежной лингвистике, Вып. 5, М., 1970; Comrie B. Linguistic typology and Language universals. Oxford University Press, 1981

(3) не $p \rightarrow$ не q

(4) $p \rightarrow$ не q

«Чтобы имплицативная универсалия была осмысленным утверждением, каждая из трех разрешенных возможностей должна быть представлена» [Comrie 1981: 18]. Исследователь универсалий проходит в своем исследовании следующие этапы:

- создание языковой выборки;
- формулирование гипотезы, описывающей зависимость между языковыми параметрами, в виде импликации $A \rightarrow B$;
- проверка и уточнение гипотезы на материале выборки.

(Хотя формулированию гипотезы также предшествует, скорее всего, обработка некоторого количества языковых данных, этот этап относится к области эвристики, а не самого исследования).

Универсалии не являются абсолютными, то есть, они верны не во всех языках, а в большинстве исследуемых языков: одним из взглядов на универсалию, возможно оптимальным, является взгляд на них как на “статистически значительное отклонение от случайного образца”. [Comrie 1981:19]². Как отмечается в этой же работе, к большинству универсалий обнаруживаются контрпримеры. Это обстоятельство свидетельствует скорее в пользу универсалий, так как говорит об их “фальсифицируемости” (К. Поппер), а значит, об их теоретической ценности: нефальсифицируемая теория, согласно К.Попперу, теоретического значения не имеет.

На определенных этапах исследования использовался также описательных метод – описание делалось в рамках базовой лингвистической теории, а также теории грамматикализации.

Объект исследования зависит от выбранной методики. В дедуктивных исследованиях есть тенденция определять объект исследования в семантических, независимых от конкретного языка терминах (например, в работе [Wetzer 1996]³ область исследования задается как «слова, выражающие признаковые значения – независимо от их частеречной принадлежности» [Wetzer 1996: 70].) Что же касается индуктивного исследования, то здесь трудно представить объект исследования, задаваемый в каких либо терминах, кроме формальных: ведь данный род исследования изучает взаимосвязи именно между формальными, структурными явлениями в языках. В соответствии с выбранной методикой (индуктивной), мы определяем область исследования в формальных терминах. В диссертации исследуются факты отсутствия в языке разграничения финитных и нефинитных форм глагола. Другими исследуемым параметрами стали возможность/невозможность в исследуемых языках именного сказуемого без глагола-связки и наличие/отсутствие категории времени, понимаемой как непривативное противопоставление настоящего и прошедшего времени в системе синтетических форм глагола. Исследовались также конструкции со связкой.

Апробация. Основные положения диссертационного исследования излагались на Зимней типологической школе (1-6 февраля 1997 года) и в докладе на заседании Московского типологического общества 25 марта 1998

² Comrie B. 1981 – Linguistic typology and Language universals. Oxford University Press, 1981

³ Wetzer H. The typology of adjectival predication. Mouton de Gruyter, Berlin/New York, 1996

года. Диссертация обсуждалась на заседании кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ.

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав: 1) Различные подходы к финитности в типологии; 2) Причастия и деепричастия в позиции предиката независимого предложения; 3) Грамматические параметры, имплицитивно связанные с возможностью предикативного употребления причастий и деепричастий; 4) «Связки»: взгляд с точки зрения типологии; заключения, списка литературы, списка сокращений, и указателя языков.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении определяются цели, задачи и методы исследования, обосновывается выбор и актуальность темы исследования, характеризуется научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации.

Первая глава посвящена постановке проблемы и анализу существующих подходов к финитности как свойству независимого предложения функционировать как таковое. Традиционный, идущий от индоевропеистики, подход связывает финитность с финитным глаголом – выразителем предикативных категорий времени, модальности и лица. Поскольку эти категории, соотносящие содержание предложения с действительностью, должны быть выражены в каждом предложении, а в индоевропейских языках выражение этих категорий является прерогативой исключительно глагола, глагол считался основным структурным признаком простого предложения. Широко известен, например, тезис Потебни, что глагол создает предложение. Поскольку имена (существительные и прилагательные) не могут выражать эти категории, они не могут быть самостоятельным сказуемым независимого предложения, требуя в этой позиции глагола-связки. В системе индоевропейского глагола при этом противопоставлены финитные (личные) формы, т.е., формы с показателями времени, лица и наклонения, и неличные – нефинитные, то есть, такие формы, которые, сочетая свойства глагола и других частей речи (существительных, прилагательных, наречий) теряют способность выражать данные категории самостоятельно, требуя глагола-связки.

Однако были и противники взгляда на глагол как основной структурный признак предложения. Так, например, А.А.Шахматов считал, что предложение является предложением в первую очередь благодаря интонации. Н.Ю. Шведова определяет предикативность в терминах категорий **синтаксического** времени и **синтаксической** модальности. Кроме того, развитие типологии вело к тому, что категории времени, лица и модальности перестали считаться исключительно глагольными. Еще в работах академика Мещанинова рассматриваются случаи, когда эти категории (например, в тюркских и абхазо-адыгских языках) одинаково выражаются при сказуемом-глаголе и существительном. В референциально-ролевой грамматике Р.Ван-Валина время и модальность относятся к операторам периферии, то есть, категориям, имеющим сферой действия все предложение в целом. В рамках этой модели дается и определение предложения, формально ориентированное, но независимое от наличия финитного глагола: предложение – это грамматическая структура, имеющая только одну периферию (У. Фоли, М. Олсон).

Такой пересмотр взглядов на предикативные категории, глагол и предложение, не мог не отразиться на трактовке финитности. В современной

лингвистике существует общее соглашение как среди формалистов, так и среди функционалистов, что финитность – это свойство предикации, а не отдельно взятой формы. При этом финитность как свойство предикации анализируется как скалярный феномен, то есть, как степень сходства некоторой предикации с прототипическим переходным главным предложением. Основными синтаксическими признаками финитности являются:

Глагольные признаки.

- (i) маркеры времени, вида и модальности;
- (ii) грамматическое согласование предиката с субъектом;
- (iii) наличие/отсутствие показателей номинализации.

Именные признаки:

- (iv) падежное маркирование субъекта/объекта;
- (v) наличие/отсутствие артиклей и других приименных определителей.

Тем не менее, и в рамках данного подхода выделяются формы, считающиеся «нефинитными по определению» (М.Копчевская-Тамм) – причастия и отглагольные номинализации, то есть, отглагольные репрезентации, которые выступают в атрибутивной и актантной функциях, допускают присоединение показателей падежа, кодирование субъекта генитивом и наличие артиклей и других определителей. То есть, данный подход также не предусматривает возможности употребления глагольных форм, присоединяющих показатели падежа и/или артикли и допускающих кодирование субъекта генитивом в позиции сказуемого финитной клаузы. Тем не менее, возможность такого употребления существует, например, в **нанайском языке**:

(1) нёани **чап-чи-ни** сурэ
 3SG рубить-PART.PRS-3SG.POSS топор
 топор, которым он рубит [Аврорин 1961:84]⁴

(2) ми нёани **гарпа-хам-ба-ни**
 1SG 3SG стрелять-PART.PST-ACC-3SG.POSS

ичэде-хэм-би
 смотреть-PART.PST-1SG.POSS

Я смотрел, как он стрелял [Аврорин 1961:72]

В примере (2) предикативно без привлечения дополнительных морфосинтаксических средств употребляется форма, которая в этом же примере возглавляет актантное предложение, присоединяя показатели падежа, а в примере (1) возглавляет относительное предложение. Такая возможность не предусматривается традиционным подходом к финитности, что и заставляло авторов грамматик многих тюркских и алтайских языков разводить причастия в атрибутивной и предикативной позициях по разным разделам грамматики («Причастие» и «Глагол» соответственно). Но данные примеры представляют проблему и для скалярного подхода к финитности, который все равно предполагает различие в языке имен и глаголов: так, если мы считаем

⁴ В.А. Аврорин. Грамматика нанайского языка, т. 2. М. – Л., 1961

суффикс причастия *-хам-* показателем номинализации, позволяющим данной форме присоединять показатели падежа, то употребление данной формы в позиции финитного сказуемого делает эту клаузу *нефинитной!* Более того, конвербы также считаются нефинитными формами (см., например, [Haspelmath 1995⁵], но их употребление в позиции сказуемого независимого предложения также возможно. **Лезгинский язык:**

(3) Вил-ер з-а-л-ай алуд-на вич-ин кар
глаз-PL 1SG-OBL-SUP-EL снимать-AOR сам-GEN дело

давам-ар ийиз ада жаваб **га-на.**
продолжение-PL делать.CONV 3SG.ERG ответ дать-AOR

Не глядя на меня (=отведя от меня глаза), продолжая заниматься своим делом, он ответил. [Шихвердиев 1995.]⁶

Во **второй главе** вводятся понятия маркированных и немаркированных опций. Для этого излагается теория У. Крофта, в которой без использования термина «финитность» предсказывается разница в поведении глагола и его репрезентаций. Крофт предлагает схему, которая исчисляет возможные комбинации частей речи (существительных, прилагательных и глаголов, обозначающих объекты, свойства и действия соответственно) и прагматических функций и очерчивает круг немаркированных употреблений для всех частей речи. Данный анализ «предсказывает структурную маркированность конструкций в маркированных комбинациях лексического класса (т.е. части речи – Е.К.) и прагматической функции, то есть, что эти конструкции будут структурно более сложными» [Croft 1991: 68]⁷. Например, при образовании отглагольных номинализаций получающаяся форма не обозначает действие, а используется для референции к событиям; соответственно, такая форма будет вести себя как немаркированное существительное, то есть, например, требовать связки в предикативной позиции. Морфосинтаксис таких форм будет также отличаться от немаркированных глаголов: так, они не могут принимать показатели спряжения (например, в индоевропейских языках – показатели лица), оформление субъекта и объекта будет также отличаться от финитных глаголов (например, оформление генитивом подлежащего при герундии в английском языке: *I do appreciate your being round*). Наконец, более маркированные комбинации будут менее частотными в речи и текстах (частотный критерий маркированности). В исследуемых же языках имеет место следующее явление: все опции (предикация, модификация и референция) являются для некоторой формы равномаркированными или равнонемаркированными. В настоящей главе излагается материал этих языков.

Примером немаркированности всех трех опций для причастия может служить, например **литовский язык**. В литовском причастие может быть определением к имени (пример (4)), может субстантивироваться (пример (5)) и может быть сказуемым без связки (пример (6)).

⁵ M. Haspelmath. The converb as a cross-linguistically valid category. // M/ Haspelmath, E. Koenig (ed.). *Converbs in cross-linguistic perspective*. Mouton de Gruyter, 1995.

⁶ М.Шихвердиев. Экв яргъай аквада (Свет будет виден издалека). // Самур. Работы современных прозаиков. Махачкала, 1995

⁷ W. Croft. *Syntactic categories and Grammatical relations*. Cambridge University Press, 1991

- (4) myɔλt-m-as draUgas
 любить-PART.PASS.PRS-M друг
 Любимый друг [Гр-ка литовск. яз. 1985: 308]⁸
- (5) praei-t-óji užmiš-t-óji
 проходить-PART.PASS.PST-F.DEF забывать-PART.PASS.PST-F.DEF
 Пройденное – забытое [Гр-ка литовск. яз. 1985: 312]
- (6) uZkastieji pinig-ai degA
 закапывать.PART.PASS деньги-PL гореть.PRS.PART.PL
 Зарытые деньги (вроде) горят [Гр-ка литовск. яз. 1985: 234]

Внутри данного класса случаев (то есть, случаев немаркированности для некоторой формы актантной, атрибутивной и предикативной функций) выделяется большая группа языков, в которых причастие в предикативной позиции присоединяет показатели лица. Например, это **бурятский язык**:

- (7) инженер боло-хо-д-оо мэдэ-хэ-бди
 инженер становиться-PART.FUT-PL-REFL узнавать-PART.FUT-1PL
 Когда станем инженерами, узнаем [Скрибник 1988: 90].⁹

В некоторых языках глагольные формы без соответствующих деривативных показателей начинают сочетаться с показателями падежа (пример (8) из **сингальского**), артиклями (пример (9) из языка **маунг**) или требовать генитивного оформления субъекта (пример (11) из **бурятского**):

- (8) pot li↔v↔ω-α-τ1↔ παδ1ι δε-v↔ω-α
 vεε
 книга.PL писать-NON.PAST-A-DAT деньги давать-NON.PAST-A Q
 (Они) же платят деньги за написание книг, не правда ли? [Gair 1970: 160]¹⁰

- (9) da wubabj da Nabi Ni-wa-naw
 ART.4 вода ART.4 1SG 1SG-FUT-давать
 Вода, которую я даю. [Capell, Hinch 1970: 65]

Ср.:

- (10) ji-wa-namin
 3SG-FUT-говорить
 Он скажет [Capell, Hinch 1970: 120]¹¹

- (11) **минии** таа-ха-г%оой таабари
 1SG.GEN отгадывать-PART.FUT-NEG загадка
 Загадка, которую я бы не отгадал [Бертагаев, Цыдендамбаев 1965: 159]¹² – ср. пример (7).

⁸ Грамматика литовского языка. Вильнюс, 1985.

⁹ Скрибник Е.К. 1988 – О статусе конструкций с инфинитными глагольными формами в системе полипредикативного синтаксиса (на материале бурятского языка). // Проблемы монгольского языкознания, Новосибирски 1988.

¹⁰ Gair J.W. Colloquial Sinhalese sentence structure. The Hague: Mouton, 1970

¹¹ Capell A, Hinch H.E. Maung Grammar. Mouton 1970. The Hague-Paris.

Примером равномаркированности обеих функций для причастия может быть, например, **аварский язык**: в аварском языке причастие согласуется по именной вершине в относительном предложении, как в примере (12) (в том числе, и в безвершинном – по опущенной вершине) и, как глагол, по существительному в абсолютиве – в функции сказуемого (пример (13)):

- (12) гъе-с-да хаду=б б=ачIуне=б халкъ-ги
 он-OBL-LOC сзади=N N=идти=PART.N народ.N
 хIинкъ-ун б=укIа-на
 испугаться-CONV N=быть-AOR
 Шедший за ним народ был испуган. [Рохалил Хабар 1996:43]¹³

- (13) валлагъи ахIил-е=л дица жугъа-би
 клянусьпеть-PART.FUT=PL 1SG.ERG песня-PL
 Клянусь, спою я песни [Бокарев 1949: 74]

Часто причастия употребляются в функции сказуемого в фокусных конструкциях. Язык **малаялам**:

- (14) itu paRannh-a-tu goopi
 3SG говорить-PART.PST-3SG Гопи
 Это сказал Гопи [Андронов 1993: 145]¹⁴

«Финитная» и «нефинитная» функции для конвербов также могут быть равномаркированными (примеры из **сингальского языка**) или равномаркированными (примеры из **абхазского языка**). **Сингальский язык**:

- (15) λ ᾱцoψα# βατ κα#-λα#
 мальчик рис есть-CONV.PST
 Мальчик съел рис [Matzel 1987: 50]¹⁵

В **абхазском языке** корень в сочетании с показателем вида (который может быть нулевым, как в примере (16)) может функционировать как деепричастие:

- (16) и¼ага и-%оаргуа ды-šшуе-ит хара
 мотыга 3SG-опираться 3SG-смотреть-IND вдаль
 Опрешься на мотыгу, он смотрел вдаль. [Гр-ка абхазск. яз. 1968:165]

Эта же форма имеет две равномаркированные функции: предиката независимого предложения, как в примере (17а) (в этом случае она присоединяет показатель «финитного образования» – [Гр-ка абхазск. яз. 1968:114]¹⁶) и предиката зависимого предложения – пример (17б):

¹² Бертагаев Т.А., Цыдендамбаев Ц.Б. 1965 - Грамматика бурятского языка. Синтаксис. М., 1965

¹³ Рохалил Хабар. Евангелие от Марка на аварском языке. Стокгольм – Москва, 1996

¹⁴ М.С. Андронов. Язык Малаялам. М., 1993.

¹⁵ К. Matzel. Einführung in die Singalesische Sprache. Günther Narr Verlag, 1987.

¹⁶ Грамматика абхазского языка. Сухуми, 1968.

(17)а. изга-хье-ит ← и-зга-хья-ит
3SG-нести-RES-IND

Я уже взял [Гр-ка абхазск. яз. 1968: 114]

б. х-аš-хья-ны х-аа-ит
1PL-приходить-RES-CONV 1PL-читать-IND

Мы пришли, прочитав [Гр-ка абхазск. яз. 1968: 169]

Конвербы, так же, как и причастия, могут сами присоединять личные показатели. **Даргинский язык:**

(18) бехъуб-ли-ри
разрушать-CONV-1/2/3SG

Я (ты, он) разрушил [Абдуллаев 1967: 517]¹⁷

Итак, во второй главе приводится материал 36 языков, в которых “финитная” и “нефинитная” опции для глагольных форм являются равномаркированными или равнонемаркированными.

В диссертации предлагается следующий взгляд на отсутствие противопоставления финитных и нефинитных форм: мы имеем дело с формами **акатегориальными** (или, в другой терминологии прекатегориальными) в отношении финитности/нефинитности и, соответственно, частеречной принадлежности, так как эти формы могут сочетаться с показателями как именных, так и глагольных, предикативных категорий.

Выражение данными формами предикативных категорий может происходить двумя способами: а) форма присоединяет показатели этих категорий (например, показатели лица в алтайских языках); б) выбор в позиции сказуемого глагольной формы, принадлежащей к одному из двух классов (класс форм, имеющих только финитное употребление и класс форм, совмещающих финитное и нефинитное употребление), является способом выражения некоторой грамматической категории, подобно тому, как противопоставление в позиции сказуемого форм императива/не-императива реализует одно из значений категории наклонения в русском языке. Так, например, в **литовском языке** причастие в позиции сказуемого также реализует одно из значений категории наклонения – косвенное наклонение. Это ставит вопрос о поиске **инварианта**, позволяющего данной форме функционировать в качестве причастия и в качестве формы данной категории. Любые попытки видеть омонимию (например, форм косвенного наклонения и причастия) будут говорить только о том, что мы не в состоянии выделить этот инвариант (об омонимии и инвариантах см., например, [Кибрик 1997]¹⁸). Сам факт постановки этой проблемы может считаться некоторым результатом.

Типологически адекватное понятие финитности, безусловно, должно учитывать случаи, когда показатели падежа, артикли или генитивное оформление субъекта служат показателями нефинитности клаузы в отсутствие

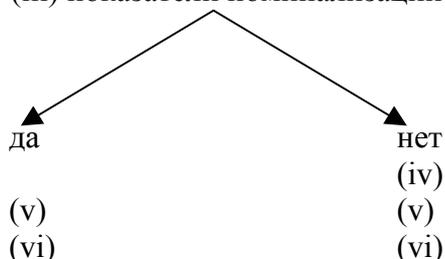
¹⁷ З.Г. Абдуллаев. Даргинский язык. // Языки народов СССР. Иберийско-кавказские языки. М., 1967.

¹⁸ Кибрик А.Е. 1997 – Иерархии, роли, нули, маркированность и «аномальная» упаковка грамматической информации. // Вопросы языкознания, 1997, №4.

деривативных показателей номинализации в сказуемом этой клаузы. Поэтому в диссертации предлагается следующая модификация шкалы финитности:

Переработанная шкала финитности 1.

- (i) маркеры времени, вида и модальности
- (ii) грамматическое согласование предиката с субъектом
- (iii) показатели номинализации

- (iv) наличие падежных маркеров;
- (v) падежное маркирование субъекта и объекта;
- (vi) наличие/отсутствие артиклей и других приименных определителей.

Сформулированная таким образом, шкала финитности позволяет а) учитывать случаи, когда наличие падежных маркеров (**сингальский**), генитивного оформления субъекта (**бурятский**) и наличие артиклей (**маунг**) имеют место при отсутствии показателей номинализации в сказуемом клаузы; б) даже при отсутствии показателей номинализации на основании этих признаков определить клаузу как нефинитную.

Из предположения о том, что языки без разграничения финитных и нефинитных форм представляют собой определенный структурный тип (в типологическом смысле), следует, что должны существовать другие грамматические параметры, имплицитивно связанные с наличием/отсутствием рассматриваемого явления. В **третьей главе** были рассмотрены два таких параметра. Первый параметр – это возможность/невозможность в некотором языке именного сказуемого без глагола-связки: связка может отсутствовать, в том числе, в прошедшем времени (пример (20)) и в вопросительных предложениях (пример (21)). **Аварский язык:**

- (19) гье=б цІакъ б=игъая=б жо
 это=N очень N=простой=N вещь
 Это очень просто (букв. Это очень простая вещь) [Сурхаев 1984: 24]¹⁹

Бенгальский язык:

- (20) kuber takhan chota
 Кубер тогда маленький
 Кубер тогда был маленьким. [Быкова 1960: 54]²⁰

Малаялам:

- (21) it↔ ααρυт1ε aat1↔?
 этот чей козел

¹⁹ М. Сурхаев. Нух битІаги (Счастливого пути). Махачкала, 1984.

²⁰ Е.М. Быкова. Подлежащее и сказуемое в бенгальском языке. М., 1960.

Чей это козел? [Asher 1968:97]²¹

Существительное также может само присоединять показатели предикативных категорий, например, показатели лица в алтайских языках.
Якутский язык:

(22) мин кырдьаҕас киһи-бин
1SG старый человек-1SG
Я – старый человек [Убрятова 1950: 97]²²

Этот параметр имплицитивно связан с возможностью финитного употребления причастий. Связь между двумя параметрами можно сформулировать в виде универсалии:

УНИВЕРСАЛИЯ 1. «Если в языке финитное и нефинитное (атрибутивное и/или актантное) употребление для некоторой формы являются либо равномаркированными, либо равнонемаркированными, то в этом языке предикативное употребление для имен (существительных и прилагательных) также является немаркированным».

Как уже говорилось выше, импликация представляет собой импликацию вида $p \rightarrow q$. В данном случае параметр p – это возможность немаркированного употребления некоторой формы в атрибутивной, актантной и предикативной функциях, а параметр q – возможность именного сказуемого без глагола-связки. Были рассмотрены все разрешаемые данной импликацией возможности. Так, возможность “ $p \rightarrow q$ ” представлена, например, в аварском языке (примеры (12-13) и (19)). Возможность “не $p \rightarrow q$ ” можно проиллюстрировать примерами из языка **бабунго**. В этом языке зависимые предложения (в том числе и относительное) имеют союзную стратегию образования, то есть, нефинитных форм как таковых в нем нет:

(23) $\mu \leftrightarrow \exists \psi \in \exists$ $\omega \leftrightarrow \exists \nu \tau \gamma \exists \leftrightarrow$ $\phi \alpha \exists N N \omega \leftrightarrow \exists \sigma \eta \alpha \exists \omega$
N γ
1SG видеть.PF человек этот REL он красть.PF курица

$\psi \leftrightarrow \perp$
твой

Я вижу человека, который украл твою курицу. [Schaub 1985: 32]²³

Именное сказуемое оформляется в **бабунго** не глаголом-связкой, а фокусным маркером (маркером ремы), который в этом же качестве функционирует и в глагольных предложениях (пример (25)):

²¹ R.E. Asher. Existential, Possessive, Locative and Copulative sentences in Malayalam // The verb “be” and its synonyms, ed. by J.Verhaar, p.2. Dordrecht: Reidel, 1968

²² Е.И. Убрятова. Исследования по синтаксису якутского языка. Простое предложение. М. – Л., 1950.

²³ Schaub W. Babungo. Croom Helm, London/Sydney/Dover, 1985

(24) $V \leftrightarrow \exists N o \equiv o$ $\lambda \nu \exists \nu$ $\sigma \eta \nu \equiv$ $N \alpha \equiv \psi$
 Бабунго FOC страна сила
 Бабунго – трудолюбивая страна [=сильная] [Schaub 1985:49]

(25) $()()$ $m \leftrightarrow \exists$ $\kappa \exists$ $\kappa \alpha \equiv$ $\omega \perp$ $\lambda \nu \equiv \nu$ $\tau \psi \equiv$ $\lambda \alpha \exists \mu \beta \iota \equiv$
 ISG давать.PF деньги этот FOC DAT Ламби
 Я отдал эти деньги ЛАМБИ [Schaub 1985: 124]

Возможность “не $p \rightarrow$ не q ” представлена индоевропейскими языками, в которых финитные и нефинитные формы глагола противопоставлены, а именное сказуемое требует глагола-связки.

Второй параметр – это наличие в языке категории времени, понимаемой как наличие непривативного противопоставления прошедшего/непрошедшего времени в системе синтетических форм. Понимаемая таким образом категория времени в языке может отсутствовать: так, в языке может не быть синтетической формы настоящего времени при наличии формы прошедшего времени (**даргинский язык**) или в системе глагола могут выражаться исключительно видовые противопоставления (как, например, в **цахурском языке**). Данный параметр имплицитивно связан с возможностью финитного употребления в языке конвербов (деепричастий). Связь между данными двумя параметрами также можно сформулировать в виде универсалии:

УНИВЕРСАЛИЯ 2: «если в языке финитное и нефинитное употребление конвербов являются либо равномаркированными, либо равнонемаркированными возможностями, то в этом языке отсутствует категория времени (в изложенном выше понимании)».

Данная универсалия также разрешает три возможности и запрещает одну. Если параметр p – это отсутствие у конвербов маркированной функции, а параметр q – наличие в языке категории времени, то разрешенными возможностями будут:

- (1) $p \rightarrow q$. Данная возможность представлена, например, в даргинском языке.
- (2) не $p \rightarrow q$. Эта возможность реализуется например, в языке **йоруба**. В этом языке отсутствуют конвербы, а обстоятельственное предложение имеет союзную стратегию образования:

(26) **nigbati** mo de ile o nj-Euv
 когда 1SG доходить дом 3SG IPF-есть
 Когда я дошел до дома, он ел [Ward et al. 1952:77]²⁴

Категория времени в языке **йоруба** отсутствует, и в глаголе маркируются только видовые различия. Так, в приведенном примере глагол имеет форму несовершенного вида без указаний на время, и эта форма интерпретируется как относящаяся к прошедшему только в соответствующем контексте.

²⁴ Ward I.C., C.B.E., Lit D. 1952 – An introduction to the Yoruba language. Cambridge 1952

- (3) не $p \rightarrow$ не q . Эта ситуация имеет место в индоевропейских языках – в них конвербы являются безусловно нефинитными формами, и категория времени есть.

Кроме того, связь между рассмотренными в данной главе параметрами (возможность именного сказуемого без глагола-связки и отсутствие категории времени) также можно сформулировать в виде универсалии:

УНИВЕРСАЛИЯ 3: если в языке отсутствует категория времени, в этом языке именное сказуемое не должно требовать обязательного глагола-связки.

В четвертой главе рассматривается роль связок в 40 языках выборки. Необходимость в этом возникла потому, что, несмотря на то, что имена (существительные и прилагательные) и формы глагола, традиционно относимые к нефинитным (причастия и деепричастия) в этих языках могут употребляться предикативно без связки, связки в этих языках существуют. Поскольку в этих языках связка не может считаться “маркером финитности”, то есть, обязательным выразителем предикативных категорий времени и модальности, ее роль в рассматриваемых языках нуждается в исследовании. Были выявлены следующие случаи:

а) связка является показателем не абсолютного, а относительного времени, вводящим новую точку референции, не совпадающую с моментом речи – дейктический центр в прошлом или в будущем (при этом дейктический центр, совпадающий с моментом речи, имеет нулевое маркирование). Так, в следующем примере из **хакасского языка** аналитическая форма обозначает действие (‘ходили за вениками’), предшествующее по отношению к действию в следующем предложении (‘возвращались’).

(27) Овдо-насе піс сібіргілеп пар-*f*ан
Овдо-INSTR 1PL за.вениками ходить-PART.PF

пол-*f*а-быс. Нан-ып одыр-*f*ан-ы-быс-та
быть-PART.PF-1PL возвращаться-CONV сидеть-PART.PF-IZ-1PL-DAT

Кака [*a*фас аrazyнасе сых] кил-ген
Кака из.кустов выходит-PART.PF

Мы с Овдо ходили за вениками. Когда мы возвращались, из кустов вылез Кака. [Гр-ка хакасск. яз. 1977: 222]²⁵

Аналитические конструкции, в которых глагол-связка выполняет эту роль, являются неидиоматичными и могут состоять как из двух нефинитных (причастных) форм (как в рассмотренном примере), так и из двух финитных форм, как, например, в языках банту. **Суахили:**

(28) n-a-penda wa-toto
1SG-HAB-любить HPL-ребенок
Я люблю детей (всегда) [Громова, Охотина 1995: 233]²⁶

²⁵ Грамматика хакасского языка. М., 1977

²⁶ Н.В. Громова, Н.В. Охотина. Теоретическая грамматика языка суахили. М., 1995

- (29) a-li-kuwa a-penda wa-toto
 3SG-PST-быть 3SG.НАВ-любить НРL-ребенок
 Он любил детей [Громова, Охотина 1995: 233]

б) в ряде языков бытийный глагол оказывается главным глаголом в полипредикативной конструкции. Например, в языке **мохаве** (семья хока, группа юма) предложения с именным сказуемым являются компонентом полипредикативной конструкции с глаголом «быть»: сентенциальная составляющая со сказуемым-именем является подлежащим глагола “быть” и при этом она (составляющая) получает показатель подлежащего (ср. пример (30)), который при этом – на именном *сказуемом!* Именно это служит основанием такой интерпретации в работе [Munro 1977]²⁷.

- (30) John-[Mary iyu#-p[
 Джон-SUBJ Мэри видеть-TAM
 Джон увидел Мэри [Munro 1977: 446]

- (31) [john kwɔ<ide#]-[ido-p[
 Джон врач-SUBJ быть-TAM
 Джон – врач [Munro 1977: 447]

Такие конструкции в процессе грамматикализации развиваются в монопредикативные с суффиксом-вербализатором (как в языках юма) или с глаголом-связкой. Например, в **нанайском языке** переход полипредикативной конструкции в монопредикативную виден за счет того, что показатели личного согласования переходят на бытийный глагол:

- (32) чисэне ми хола-си би-чи-мби/
 вчера 1SG читать-PART.IPF.NEG быть-PART.IPF-1SG/

 хола-си-и би-чи-н
 читать-PART.PF.NEG-1SG быть-PART.PF-3SG
 Вчера я не читал [Аврорин 1961: 98]

в) связка является показателем коммуникативных категорий (фокуса, топика, актуального членения, индикатива) и в этом качестве функционирует одинаково как в именных, так и в глагольных предложениях. Например, в дагестанских языках связка выражает обычный набор предикативных категорий, то есть, время и лицо, но отличается от индоевропейской связки тем, что, перемещаясь по предложению, маркирует рему (или фокус) предложения. Ср., например, следующие **лакские** примеры:

- (33) rasul-lu-l-la na o=w=t-u-Sa
 Расул-OBL-ERG-1sg я 1=ударить-PST-PART
 РАСУЛ меня ударил. [Казенин 1997: 46]²⁸

²⁷ Munro P. From existential to copula: the Yuman “be” // Mechanisms of syntactic change, ed. by Ch.Li. Austin: University of Texas Press, 1977

²⁸ Казенин К.И. Синтаксические ограничения и пути их объяснения (на материале дагестанских языков). Дисс. на соиск. уч. степ. к.ф.н. М., 1997

- (34) rasul Tu-l ars-gi
 [Расул,NOM] [я:OBL-GEN сын,NOM]-3sg
 Расул — мой сын [Казенин 1997: 86]

В этих примерах личный показатель, выделяющий рему (или, в другой терминологии, фокус), в глагольном предложении, используется в качестве связки в предложении с именным сказуемым. Маркирование ремы не является некоторой дополнительной функцией, возникающей у связки в случаях смещения с глагола, так как связка, находясь на глаголе, также маркирует рему (только в этом случае положение ремы является более привычным, «нормальным», а поэтому функция связки как маркера ремы – менее заметной). Кроме того, эти связки регулярно исчезают в частновопросительных и модальных предложениях, что говорит о том, что функция таких связок состоит еще и в противопоставлении индикативных предложений вопросительным и модальным. (Это также необычно на индоевропейском фоне, так как индикатив в индоевропейских языках является немаркированным наклонением). Таким образом, кластер предикативных категорий, выражаемых связкой, оказывается шире, чем в индоевропейских языках и включает также выражение **категорий коммуникативной структуры**.

Наличие связок, маркирующих рему (фокус) заставляет внести еще одно уточнение в шкалу финитности Гивона, так как на шкале должен быть представлен весь кластер. Многими исследователями отмечалось, что показатели коммуникативной структуры (топика в японском, фокуса в дагестанских языках) могут быть только в главном предложении и являются сильным средством противопоставления финитных и нефинитных клаузов. Кроме того, в языках выборки есть связки, единственной функцией которых является выражение коммуникативных категорий. Например, в **монгольском языке** существуют “показатели подлежащего” ([Санжеев 1960])²⁹, маркирующие коммуникативную структуру и в глагольных, и в именных предложениях. В качестве таких показателей используются, например, притяжательные частицы:

- (35) Хар нь Доржи-д хэрэгтэй бол-жээ
 черный 3SG.POSS Доржи-DAT нужный быть-PST
 Черное пригодилось для Доржи [Санжеев 1960:87]

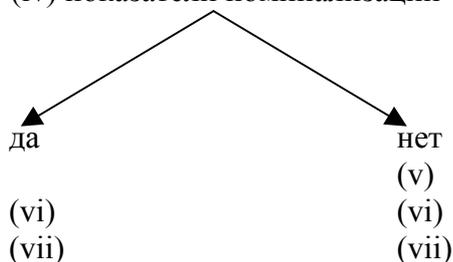
- (36) яв-сан нь Дамдин-ы эцэг
 уходить-PART.PF 3SG.POSS Дамдин-GEN отец
 Ушедший (есть) отец Дамдина [Санжеев 1960:88]

На примере монгольских предложений с именным сказуемым видно, что именно распознаваемость коммуникативной структуры даже при отсутствии выражения времени является решающей для признания сочетания двух именных групп финитным предложением. Это говорит о приоритете выражения коммуникативной структуры над выражением времени. С учетом этого уточнения шкала финитности будет выглядеть следующим образом:

²⁹ Санжеев Д.Г. Современный монгольский язык. М., 1960

Переработанная шкала финитности 2.

- (i) показатели коммуникативной структуры;
- (ii) маркеры времени, вида и модальности
- (iii) грамматическое согласование предиката с субъектом
- (iv) показатели номинализации

- (v) наличие падежных маркеров;
- (vi) падежное маркирование субъекта и объекта;
- (vii) наличие/отсутствие артиклей и других приименных определителей.

Таким образом, в диссертации делается утверждение о том, что решающим для независимого предложения (то есть, чтобы признать сочетание ИГ+ИГ независимым предложением, а не ИГ) и в конечном итоге, для финитности, оказывается выраженность коммуникативной структуры.

С точки зрения типологии статус связки как “маркера финитности” также оказывается неуниверсальным.

В **Заключении** подводятся основные итоги исследования:

- неразличение финитных и нефинитных форм широко распространено в генетически различных языках и не является случайным совпадением;
- формы, употребляющиеся финитно и нефинитно, являются **акатегориальными**; из того, что их синтаксические функции не определяются категориальной принадлежностью, следует необходимость поиска **инварианта**, позволяющего этим формам употребляться в обеих функциях;
- отсутствие категориального разграничения финитных и нефинитных форм не является изолированным грамматическим явлением, а связано с другими грамматическими параметрами (структурой именного сказуемого и наличием в языке категории времени);
- связка в языках, не различающих финитные и нефинитные формы, не является средством категориального противопоставления имен и глаголов («маркером финитности») и, соответственно, финитных/нефинитных глагольных форм;
- категории коммуникативной структуры чрезвычайно важны для типологически адекватного понятия финитности; так, выраженность именно коммуникативных категорий является достаточным условием для признания сочетания двух именных групп предложением.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Nominal predicates in Sogratl dialect of Avar // A.E.Kibrik (ed.). The noun phrase in the Andalal dialect of Avar as Spoken at Sogratl. Strasbourg: EUROTYP Working papers, Theme 7: Noun Phrase Structure, Working Paper No.18, 1993: 90-104.
2. Об одном способе выражения коммуникативного членения предложения в некоторых языках Дагестана // Вопросы кавказского языкознания, Махачкала, 1997: 141-144.
3. Разграничение финитных и нефинитных форм глагола в типологическом аспекте // Вопросы языкознания, 1998, №4: 82-110.
4. Связка: взгляд с точки зрения типологии // А.С. Нариньяни (ред.). Труды Международного семинара Диалог'98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Казань, 1998: 304-318.
5. Выражение коммуникативной организации предложения: лезгинский язык и типологические параллели. // Девятый международный коллоквиум Европейского общества кавказоведов. Тезисы докладов. Махачкала, 1998: 102-104.
6. Предложения с именным сказуемым // А.Е.Кибрик (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М., 1998
7. Атрибутивизация (в соавторстве с С.Ю.Толдовой) // А.Е.Кибрик (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М., 1998